

Виктория
Волкова

ДОЗНАТЬ
И ЖЕНИТЬСЯ!

(Не) детские игры

Виктория Волкова

Догнать и жениться!

«Виктория Волкова»

2019

Волкова В. Б.

Догнать и жениться! / В. Б. Волкова — «Виктория Волкова»,
2019 — ((Не) детские игры)

Марат Алтаев жил себе спокойно, пока у собственного порога не встретил решительную и дерзкую девицу. Она остра на язык и ошеломительно красива. Таких обходят десятой дорогой, опасаясь сердечных ран и всяких напастей. Умом он понимает, что полуночную знакомую проще выкинуть из головы, чем назвать своей. Забыть, говорите? Щаз!

© Волкова В. Б., 2019

© Виктория Волкова, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Виктория Волкова

Догнать и жениться!

Глава 1

– Слушай, – не отводя взгляд от трассы, мимоходом осведомился Митька. – А почему от тебя Реваз ушел?

Катя сумрачно глянула на бывшего одноклассника и нынешнего любовника и, убрав за ухо длинную русую челку, бросила небрежно:

– С какой целью интересуешься, Плотвичкин?

– Ну так... – пробухтел он, внимательно разглядывая указатели и стараясь не проехать нужный поворот. – Для общего развития, Катюнь.

– Иди в баню, – беспечно отмахнулась она. – День тяжелый выдался. Давай помолчим, Мить.

– Опять ругала подчиненных? – хмыкнул он, наскоро оглаживая ее колено.

– Нет, – мотнула головой Катя. – Целый день заседали. Буров орал как резанный. Кто-то сливает информацию журналистам. Про наш завод уже только ленивый не пишет.

– Подайте в суд за клевету, – сумничал Митька.

– Там все правда, – бросила она и отвернулась к окну.

– Ну как так? – не понял Плотвичкин.

– Помолчи, а? – хмыкнула недовольно она. – Я тебя умоляю.

Глядя на мелькавшие вдоль дороги деревья, Катя на минутку вспомнила ошалевший взгляд грузинского мужа, когда в нескольких сантиметрах от его лица просвистел нож и врезался в деревянную лутку.

«А нечего было врать, что поехал к родственникам на свадьбу. А когда к стеночке приперла, попытался объяснить, что жена – существо второго сорта, – нехстати вспомнила Катя. – Вот и получил. – Она внутренне поморщилась от мысли, что тогда почти вывела Реваса на чистую воду. И не на свадьбу ездил, а к любовнице в соседний город мотался. – Интересно, не перевелись ли еще на свете порядочные мужики? Ну те, что преданы своей семье и не задирают подол каждой юбки, – любопытствовала она у самой себя и чуть не расхохоталась. – Вот наивная, а? Это же вымирающий вид! – Катя на минуту задумалась, пытаясь припомнить хоть одного такого. Не получилось. – Замуж больше не пойду. – Решила она. – Пусть хоть олигарх зовет или принц. На фиг, на фиг! Вот с Митькой шараться самое то. Можно на рыбалку поехать или в кино пойти, к подружкам замужним завалиться в гости. Ну и для здоровья полезно. Друг, компаньон и любовник в одном флаконе», – хохотнула она про себя.

– Скоро приедем, Мить? – любопытствовала лениво.

– Хочешь об этом поговорить? – заржал он и, махнув рукой куда-то вперед, начал рассказывать об озере и рыбе, что там водится.

– Как раз к вечерней зорьке успеем, – радостно сообщил он. – Палатку поставим – и на рыбалку.

– Ты рыбаль, – кивнула она. – А я подремлю. Что-то от криков Бурыча голова раскалывается.

– Голова? – удивился Митька. – У тебя?

– А я, по-твоему, не человек, что ли? – попыталась оскорбиться Катя.

– Так ты же из этих, – сделал паузу Плотвичкин и гордо сообщил: – Говоришь мало, готовишь вкусно, поэтому и голова болеть не должна.

– Сейчас тресну, – пригрозила Катя, некстати вспомнив, как лупила его в пятом классе. Потом Митька за лето вырос, обогнав всех пацанов. Девчонки строили ему глазки, а он до самого выпускного таскался за ней, за Катериной Наумовой.

– Ты мне в школе и так всю башку отбила, – то ли пожаловался, то ли похвастался Плотвичкин.

Катерина провела ладонью по выпирающему из-под майки животу любовника, огладила шутливо.

– Прямо как на четвертом месяце, – фыркнула она и бросила с напускной суровостью: – Тебя гонять и гонять. Митя, лишнее вес вредит здоровью.

– Так выходи за меня замуж и воспитывай, – заржал он.

– Ты же года не протянешь...

– Ну скажи, ты правда в Реваза нож кинула?

– Да.

– А он?

– Испугался. Собрал вещи и сразу свалил.

– А ты?

– Следом с балкона выкинула его гитару и ноутбук.

Митька Плотвичкин, одноклассник и друг, ошалело уставился на любовницу.

– Да, Наумова, дикая ты баба. Наверное, не найдется в мире такой мужик, кто тебя приструнит.

– А я и не ищу, – хмыкнула она и добавила серьезно: – Тебе вон одна жена нервы мотала, так до сих пор во сне ножкой дергаешь, а у меня после двух мужей к браку иммунитет выработался, – зевнула она и поинтересовалась нетерпеливо: – Скоро приедем?

– Да тут уже по грунтовке пять километров, и все, – предупредил Митька.

Катя кивнула и снова уставилась в окно. Поля сменились небольшим населенным пунктом.

– Хутор «Правда жизни», – рассмеялась она, рассматривая красивые ухоженные особняки соседствующие с покосившимися лачугами.

– Да, – печально кивнул Митька. – Вон, гляди, у кого-то еще оранжерея имеется.

– И дворец у реки, – махнула рукой Катя и добавила тихо: – Интересный район.

– Бывала тут когда-нибудь? – невзначай обронил Плотвичкин.

– Нет, первый раз, – фыркнув солгала Катя. – Вот только с тобой мир повидала.

Она поморщилась, точно зная, что вот там, за поворотом, появится перекресток, а за ним развилка: налево к озеру, направо к усадьбе. Высокий забор с коваными воротами...

«Чур меня, чур! – мысленно отмахнулась Катерина, загоня поглубже потаенный страх. – Хоть глаза зажмуривай», – сокрушенно подумала она, проезжая мимо. Но нет. Чуть голову не свернула, выглядывая.

«Интересно, – сама у себя осведомилась она. – Кто там сейчас живет?»

И тут же охнула, завидев издали чернеющий остов трехэтажного здания.

– Чур меня, чур, – прошептала не сдержавшись.

– Испугалась, Катя? – весело осведомился Плотвичкин. – Тут когда-то роскошный дом стоял. Кто-то поджег.

– Враги? – более чем равнодушно поинтересовалась она.

– Да кто же его знает, – передернул плечами Митька. – Слухи разные ходят. Теперь вон стоит заброшенный. Даже восстанавливать не стали.

– Страшное зрелище, – поморщилась Катя и, постучав ладошкой по лысине любовника, осведомилась лукаво: – А другого пути к озеру нет?

– Не-а, – Старательно объезжая огромную лужу, передернул плечами Митька и, выехав на широкую грунтовую дорогу, прибавил скорость.

Озеро встретило Катерину закатом. Красное солнце пылало над серой водой, а заросшие травой берега казались рамой, облагородившей картину мироздания, самого лучшего и признанного художника. Катя долго всматривалась в камыши, почти со всех сторон окруживших озеро. Казалось, что там кто-то сидит.

«Ерунда», – мысленно отмахнулась она и, недолго думая, принялась разбирать сумки, но Митька, поставив палатку, не дал ей этого сделать.

– Сам управлюсь, Катюша, – хохотнул он. – Ложись отдыхай, а я баулы разберу и порыбалью.

Катя еще раз огляделась вокруг.

– Хорошо, что ты меня сюда привез, – поблагодарила она Митьку, клянуv его в небритую одутловатую щеку.

– Иди уже спать, Наумова, – радостно хмыкнул тот, шлепнув ее по заднице. – Сейчас мне всю рыбу распугаешь.

Катя улеглась на надувной матрас, застеленный покрывалом. Положила голову на обычную подушку в наволочке и подивилась Митькиной запасливости.

«Вот достанется кому-то такой прынец, – тяжело вздохнула она и тут же голосом бабушки заметила строго: – А могла бы выйти за него замуж после школы и каталась бы как сыр в масле. Ага, – хмыкнула Катя, отвечая давно умершей старухе. – Каталась бы по полигонам где-нибудь в тайге. Вышел, бабуля, твой Плотвичкин в отставку капитаном, даже до майора не дорос!»

Она отмахнулась от вздорных мыслей и усталилась в проем палатки, прикрытый лишь тонкой москитной сеткой.

– Хорошо здесь, – прошептала, засыпая. – Воздух свежий.

А проснулась от Митькиного храпа и перегара, провонявшего всю палатку и округу.

– Твою мать, – гневно хмыкнула Катя, вылезая наружу. Чуть в стороне от озера висела полная луна, где-то в траве слышался шелест, видать, копошилось какое-то животное или птица.

– С ума сойти, – прошептала чуть слышно Катя и полезла обратно в палатку будить Плотвичкина.

Но Митька спал как убитый. Катя осторожно обошла кое-как обустроенную стоянку и, найдя под деревом пустую водочную бутылку, поняла, о какой рыбалке Плотвичкин вел речь.

– Удочки не брать, из автобуса не выходить, – пробурчала она под нос старый анекдот и, повинаясь инстинкту, полезла в сумки приятеля. Нашла в рюкзаке бутылку водки и еще одну на дне пакета с продуктами.

– А ты, Наумова, зачем в этот автобус влезла? – отругала она саму себя, прекрасно понимая, что теперь Митька проспит до обеда, потом усугубит бутылочку и снова заснет.

«Судя по запасам, я тут на неделю застряну. Бурыч мне этого точно не простит. Отпуском, конечно, я эти дни закрою, и с работы никто не уволит. Но тратить неделю, запланированную для отдыха в Турции, на ожидание, когда проспится Плотвичкин, тоже не собираюсь», – раздраженно подумала Катерина и сначала решила дождаться утра. Но потом, оглядевшись по сторонам, поняла, что долго тут не выдержит. Она достала из автомобиля любовника свой кожаный рюкзак и рассеянно воззрилась на оставшиеся в телефоне пятнадцать процентов зарядки. Потом заглянула в палатку, где, развалившись по всему матрасу, храпел Митька. Катя с сарказмом пробормотала: «Прощай, любовь моя!» и решительно направилась к дороге, намереваясь поймать там попутку до города.

Она прекрасно помнила, что нужно дойти до большой лужи, а за ней сразу поворот на асфальт.

«Жаль, что я машину не вожу, – внезапно подумалось ей. – Но и угонять Митькину Ладу Приору все равно бы не стала».

Идти ночью по безлюдной дороге показалось Кате меньшим из зол. Все лучше, чем сидеть на берегу рядом с Митькиным телом, ожидая, когда этот придурок проснется.

«Тут до города недалеко, если через поля, – вспомнилось ей. – Но лучше все-таки поймать машину», – поостереглась она, прекрасно понимая, что прошло двадцать лет с тех пор, когда она трусливым зайцем неслась не разбирая дороги. И многое, если не все, изменилось в округе. И на полях уже давно ничего не растет. Везде появились какие-то строения, обнесенные заборами, и напрямую пройти вряд ли удастся.

За своими раздумьями Катерина не сразу услышала шум приближающегося автомобиля, а когда повернулась, заметив свет фар, помахала рукой.

– Подвезите, куда можете, – попросила она рыбака-пенсионера, в неурочный час возвращавшегося домой.

– Где же тебя носило, девонька? – пробормотал он, убирая с переднего сидения обшарпанной Нивы какую-то куртку.

– С милым рыбалить приехала, а потом решила в город вернуться, – прямо заявила Катя.

– Рыбалка не задалась, – хохотнул дедок и неопределенно махнул рукой в сторону багажника. – А я окуней наловил, каждый с полкило, наверное. На уху хватит, – похвастался он и смущаясь добавил: – Только я тебя до хутора довести могу. Бензобак почти пустой, да и старуху надолго оставлять нельзя. Она без меня пропадет. Ноги парализовало в прошлом году.

– А автобус какой-нибудь через ваш поселок идет? – в надежде уехать побыстрее поинтересовалась Катя.

– Нет, – поморщился дед. – Тут место тупиковое. Жителей мало. У всех машины. И у буржуев, и у пролетариата. Но ты не горюй, – тут же всполошился он, заметив, как у пассажирки печально поникли плечи. – У меня сосед Виталя, он в городе таксует. Отвезет тебя за милую душу. А по цене сами сговоритесь.

– Конечно, – кивнула Катя и тут же успокоилась. Она будто со стороны наблюдала, как дядя Петя – так старик ей представился – останавливается около неказистого домишки, стучит в окошко, а потом, когда открылась дверь, скрывается внутри. Ждать пришлось не долго. Минут через пять из дома вышел высокий взлохмаченный блондин в мятой майке и затрапезных шортах. Длинные крепкие ноги, обутые в потертые резиновые сланцы, показались Кате весьма сексуальными.

«Ну тебе еще хуторского Виталя для комплекта не хватает», – приструнила она саму себя и из дяди-Петинной Нивы быстро пересела в рено логан с оранжевыми шашечками на крыше.

– Двести рублей до города, – предупредил деревенский секс-символ, буравя пассажирку голубыми глазами.

– Отлично! – кивнула Катя.

«Я бы и пятьсот заплатила», – хмыкнула она про себя и завела с водителем разговор о том о сем. Ничего серьезного, просто потрепаться дорогой и скоротать время.

Но минут через пять Катерина заметила на себе оценивающий взгляд, так тешащий самолюбие и позволяющий убедиться, что мужик запал.

«Сначала запал, потом попал, а после пропал», – мысленно фыркнула она, припомнив свою давнюю классификацию.

Виталя пока находился в первой стадии. Лишь глуповато улыбался да травил байки.

«А парень веселый», – самой себе заметила Катя, хохоча над очередной шуткой таксиста.

Она попросила остановить прямо около подъезда и, расплатившись, распахнула дверцу рено.

– Может, встретимся завтра? – внезапно предложил таксист. – Хоть кофе попьем, а? – и пока Катя тянула с ответом, добавил с ухмылкой: – Я оденусь прилично. Не отказывай, Катя!

– Хорошо, – легко согласилась она, прекрасно понимая, что это такая манера попроситься, оставшись друзьями. Понимать, что никогда не увидимся, а при случайной встрече просто не узнать друг друга, но сохранить в памяти тепло мимолетной беседы.

– Я заеду за тобой после работы, – решил он.

– Ага, – не стала возражать она, прекрасно понимая, что может застрять в офисе допоздна или выйти вовремя, но поехать к Алисе. Но, скорее всего, придется разбираться с Плотвичкиным. Это чудо точно сорвется с рыбалки и приедет качать права.

«Хотя... – мысленно протянула Катя, открывая квартиру, – лучше тогда с Виталей в кофейне часок скоротать».

Дома она наскоро приняла душ и завалилась спать.

«Часа три у меня есть, – сонно подумалось ей. – Немного, зато дома, на белых простынях!»

Митя Плотвичкин проснулся от надоедливого жужжания сотового.

– Твою мать, – выругался спросонья и, заметив, что звонок важный, солидно пробубнил в трубку: – А вы где, пацаны? С вечера жду. Водка греется.

В ответ послышалась витиеватая ругань, и, мгновенно пробудившись от сна, Митька уселся в палатке, только теперь поняв, что Кати рядом нет.

– Ну ладно, – пробормотал он дружку. – В следующий раз!

И, выбравшись наружу, позвал негромко:

– Катя!

Ответа не последовало. Остатки хмеля сошли с Плотвичкина, когда он понял, что Катерины на озере и в его окрестностях нет.

– Твою же мать, Наумова, – выругался он и принялся звонить ей на сотовый. Телефон не отвечал. Митька в одних трусах запрыгнул в Приору и понесся к хутору, справедливо полагая, что если дурная одноклассница решила удрать, то уйти далеко она не могла. И он с видом победителя подберет ее по пути.

Плотвичкин не разбирая дороги домчал до «Правды жизни», но хутор спал как ни в чем не бывало.

«Даже спросить не у кого», – раздраженно подумал он и решил вернуться к озеру, собрать палатку и вещи. А затем рвануть в город.

От досады он хлопнул ладонью по рулю и вовремя не сумел взять вправо. Машина зашла в поворот по своей собственной траектории и прямиком угодила в лужу. Клацнула подвеска.

– Твою мать, – снова выругался Плотвичкин, оказавшись посередине плескавшейся черной жижи. – Твою мать, Катя.

Он позвонил подружке, но телефон не отвечал. Митька подумал, что случилось что-то страшное. И умница и красавица Катя Наумова уже валяется где-то в придорожных кустах.

От ужасной догадки Плотвичкин содрогнулся и, понимая, что ничего не остается, ткнул в редко используемый контакт.

– Что надо? – рыкнул спросонья знакомый голос.

– Глеб, – выдохнул в трубку Митька. – Катя пропала!

– Как это пропала? – проревел старший брат Наумовой. – Ты там совсем офигел?

– Я заснул в палатке, а проснулся – ее уже нет, – промямлил Митька. – Всю округу объездил. Телефон не отвечает...

– Одуреть, – тяжело вздохнул Глеб и приказал: – Стой, где стоишь, Плотва. Сейчас приеду. Если с моей сестрой что-то случится, башку тебе отвинчу.

– Мне самому тогда не жить, – пафосно заметил Митька и добавил со вздохом: – Захвати трос, у меня, кажется, подвеска полетела.

– Чтоб тебе скиснуть, – выругался Глеб и, нажав на кнопку отбоя, сам позвонил Катерине. Но долбаный абонент находился вне зоны действия сети.

«Найду, по голове настучу», мысленно пообещал он сестре и, повернувшись к перепуганной жене, виновато предупредил:

– Катя моя опять что-то учудила. Поеду искать.

– Хорошо, – привычно кивнула жена и пробормотала недовольно: – Катерина без приключения жить не может.

Глава 2

Она проснулась от яростного стука. Кто-то со всей дури барабанил в дверь.

– Твою мать, – сонно выдохнула Катерина и, напялив на голое тело шелковый халат, понеслась в коридор.

«Неужели затопила соседей?» – ужаснулась она, прекрасно понимая, что по ее душу приперся кто-то из жильцов. Любой другой позвонил бы в домофон. Она приоткрыла дверь, надеясь увидеть возмущенную мадам снизу. Но на лестничной площадке, оперев руки в боки, стоял старший брат.

– А-а-а, – досадливо протянула Катя и бросила раздраженно: – Твою мать, Глеб!

– Твою, кстати, тоже, – зло хмыкнул братец, шагнув в квартиру. Снял грязные кроссовки и быстренько прошел к холодильнику. – Убил бы тебя, но жрать хочу, – заметил со вздохом, сунув нос в двухкамерный Либхерр. А ничего не найдя, схватил конфету из вазочки и, нервно разорвав фантик, закинул в рот.

– Тебя Наташка до утра по постели гоняла? Еле вырвался? – хмыкнула Катерина и поймала бешеный взгляд брата.

– Я тебя сейчас удавлю, честное слово! – взревел он. – Полночи вокруг Бездонного озера тебя искали. Мне уже всякая жесть мерещиться начала, – устало вздохнул он, плюхаясь на табуретку. Потом облокотился на стену, покрашенную в мятный цвет, и потер переносицу.

– Ты можешь представить, что я пережил, дура бестолковая? – пробурчал он. – Чуть с ума не сошел.

– А я тут при чем? – возмутилась Катя. – Это я тебя погнала берега прочесывать?

– Митька твой...

– Вот с него и спрашивай, – фыркнула Катерина и буднично поинтересовалась: – У меня борщ и котлеты. Что будешь?

– Для борща вроде рано, – пробубнил Глеб, оглядываясь на часы, показывающие без пятнадцати шесть. – Давай котлеты.

– Только с гарниром, – предупредила младшая сестрица и даже выставила вперед указательный палец. Мол, знаю я тебя.

– Согласен, – кивнул Глеб и, достав сотовый, нажал на последний контакт.

– Она нашлась, Феликс, – пробурчал в трубку. Потом с минуту послушал раскатистый бас и добавил довольно: – Я Плотве в нос дал, – будто это могло утешить собеседника.

Катерина недоверчиво глянула на брата.

– Ты Сарычева на уши поднял? – уточнила она, хотя и без объяснений Глеба уже все поняла.

– А что делать, мадам? – фыркнул Глеб. – Твой бывший – тоже лицо заинтересованное. Он полицейским позвонил, чуть тревогу не объявили. Ждали, пока я твою квартиру проверю.

– У Феликса, между прочим, Алиса ночевала, – негодуя глянула Катерина. – Теперь у моего ребенка травма на всю жизнь.

– Сама виновата, – отрезал Глеб, наблюдая, как сестра закидывает в кипящую воду спагетти. – Что у тебя с телефоном?

– Наверное, разрядился, – пожалла плечами она. – Но я не просила меня искать. Сама благополучно добралась.

– Коза, – пробурчал Глеб.

– За козу можно и в лоб получить, – предупредила она.

– Не-а, – заржал брат, оглядывая внимательно. – Ты сейчас безопасна, как котенок. Сначала трусы надень, потом ногами маши.

Катерина недовольно фыркнула и, отдав Глебу ложку для спагетти, демонстративно удалилась. Она вернулась в шортах по колено и в длинной майке.

– Теперь будь осторожен, – улыбнулась беспечно и, достав котлеты, поставила в микроволновку парочку.

– Ну так я и молчу, – фыркнул брат, прекрасно понимая, что за Катериной не заржавеет. Развернется и коронным движением заедет ногой в лоб или в ухо. Кикбоксинг, ёптить!

Он до сих пор не мог понять, почему так быстро поменялась сестра? Что произошло тогда, почти двадцать лет назад? Глеб прекрасно помнил, что за полгода до дембеля проезжал мимо родного города. И родители с сестрой приходили на вокзал повидаться. Катька в свои четырнадцать казалась тихой и спокойной девчонкой, настоящей тургеневской девушкой. И все пацаны из вагона вывалили поглазеть на прекрасную барышню. А потом еще до самого дембеля просили телефон или адресок.

– Руками не трогать, – рыкнул тогда Наум. А когда вернулся домой из армии, столкнулся с лихой девицей с выбритыми висками и дурацкой татуировкой. От неожиданности он что-то ляпнул пренебрежительное и тотчас получил в ухо изящной ножкой тридцать шестого размера. Нога с тех пор не выросла, а вот сестра превратилась в ходячую неприятность.

«Хорошо, что за себя постоять может, – пронеслось в голове у Глеба. – До сих пор два раза в неделю тренируется».

– Борщ с собой возьми, – после завтрака заявила сестра. – Поставишь судочек в микроволновку...

– С ума сошла? – удивился он, представляя, как чудесный фан Катькиного борща разнесется по офису. Оружие массового поражения, блин!

– Ну секретаршу попросишь, – отмахнулась она, наливая красную наваристую массу в объемную пластмассовую банку.

– Много не наливай, – велел он.

– Лучше домой отвези, – надоумила она. – Наташе хоть какая-то помощь. Чтобы тебя прокормить, нужно с утра до ночи готовить. А ей с ребенком некогда... – и, улыбнувшись, поинтересовалась требовательно: – Как там мой племянник?

– Ест, спит и требует чистый подгузник, – довольно отрапортовал Глеб и добавил печально: – Вместо того, чтобы по болотам с Митькой шарахаться, приехала б ребенка нянчить, а мы бы с Натахой в кино ходили.

– Заявок на кино пока не поступало, – парировала она. – Решите пойти, посижу с манюней.

Назови кто другой сына манюней, Глеб бы обиделся. Но Катерина обладала врожденным даром придумывать нежные словечки для родных и близких. И, будто подтверждая его мысли, скомандовала:

– Глепа-а, помой посуду! Я пока оденусь. – Она заглянула в глаза брата, такие же голубые и смешливые, и добавила, скорчив смешную рожицу: – А ты меня до работы подвезешь?

– У меня есть возможность отказаться? – усмехнулся он и бросил ворчливо: – Ищи тебя по болотам, мой посуду, вези на работу. И почему я не единственный ребенок в семье?

– Спроси у мамы! – весело прокричала сестра из ванной.

Вымыв тарелки и чашки, Глеб Наумов вышел на балкон, примыкающий к кухне, и уставился на просыпающийся город. Издалека виднелись недавно возведенные церковь и поросль многоэтажек. По проспекту медленно тащились поливальные машины, а по квартире топоча бегала бесшабашная сестрица.

«Вот что с ней не так? – сам у себя поинтересовался Глеб. – Красивая девчонка. Глазищи завораживающие. И прелестями Господь не обидел. Дочку любит до безумия. Правда, характер мерзкий. Да и какому мужику понравится драчливая баба? Никому, – мысленно ответил Наумов. – Как бы ее перевоспитать, что ли? А то и Алиске дурной пример подает. – Глеб

вспомнил о племяннице, так напоминавшей ему его маленькую и нежную сестричку, и снова поморщившись осведомился: – Что же все-таки произошло перед самым моим дембелем?»

В который раз Наумов задумался, кто бы мог помочь пролить свет на дела семьи двадцатилетней давности. Естественно, тогда, почти сразу по приезде, он попробовал разузнать у родителей о столь радикальных переменах в сестре. Но наткнулся на глухую стену непонимания. А потом от сердечного приступа умер отец, и невысказанные вопросы отошли на второй план. А со временем в жизни появились бизнес и Наташка, а старые проблемы рассосались почти полностью.

«Может, я зря волнуюсь», – сам себя осадил Наумов и, вернувшись в квартиру, зашел в зал и оттуда проорал:

– Катя, поторопись! Мне еще нужно домой заехать переодеться!

Водитель старенького рено, примостившегося в конце улицы, внимательно наблюдал, как ночная пассажирка, сжимая в руках какую-то банку, усаживается в заляпанный грязью Л200. В белом платье с дурацкими голубыми розами, Катя показалась ему невероятно привлекательной. И если б не каре с выбритыми висками, эта женщина могла бы претендовать на звание самой шикарной. Но виски... Перед тем как сесть в машину, она оглянулась назад, поздороваться с соседкой, заходившей в подъезд, и водитель заметил в открытом вырезе промелькнувшую татуировку.

«Жаль, – пронеслось в голове. – Неформалки не в моем вкусе. Что у них с мозгами?» – мысленно хмыкнул он и от нечего делать пристроился сзади за черным джипом.

Машина уверенно и агрессивно прокладывает путь в потоке малолитражек. Водитель рено старался не отставать. То и дело его подсекал старенький серый мерседес, но гордость французского автопрома утерла в этой гонке нос немецкому. Мерс сунулся вперед еще пару раз, а потом пристроился неподалеку. А в Мицубиси Л200 Катерина махала руками и что-то объясняла своему спутнику.

«Интересно, – подумалось водителю. – Что за мужик с ней?»

Незадачливый рыболов вызвал этого парня из города. Получил кулаком в нос, но ни капли не обиделся. А вытерев кровавую юшку, принялся вместе со своим обидчиком рыскать по округе в поисках дамочки. У местных они поинтересоваться побрезговали, а те в свою очередь набиваться в собеседники не собирались.

«Хорошо хоть хватило ума поехать за ним следом, – подумал водитель. – Мужик как к себе домой вломился в подъезд и задержался более чем на час. Муж или любовник? Или этот любовник, а рыболов... так, погулять вышел?»

Л200 уверенно завернул к парковке и остановился около самого входа. Катерина чмокнула в щеку своего спутника и, выпрыгнув из машины, резво взбежала на высоченных каблучках по ступенькам. Приложила брелок к двери и скрылась в офисе.

– Хорошенькое дело, – пробурчал себе под нос водитель, заметив вывеску на входе «Дирекция завода металлопластиковых изделий «Антарес». Он вбил в телефон государственный номер Л200 и, отправив эсмэску знакомому гаишнику, позвонил хозяину «Антареса».

– Привет, Петрович, – пробасил в трубку и осведомился лениво: – Узнал?

– Естественно, – хмыкнул тот и тут же оживленно поинтересовался: – Чем могу помочь, дорогой мой человек?

– Да соскучился по тебе, Сережа. Хочу кофе угостить.

– Говори адрес кофейни, я сейчас подъеду, – сходу заявил Буров, понимая, что предстоит разговор без лишних ушей.

Рено развернулся, возвращаясь обратно в центр города, и чуть было не столкнулся с серым мерседесом.

– Смотри, куда прешь, дядя! – заявил молодой да ранний отморозок.

– Выйду, по репе настучу, – пригрозил водитель рено. И паренек в мерсе сразу сник. Так сникает волчонок, встретившись взглядом со взрослым хищником.

– Извините, – пробормотал он.

– Больше мне на глаза не попадайся, – рыкнул водитель рено, а сам подумал: «Следят за ней, что ли?»

Катерина, кинув сумку около рабочего стола, сразу отправилась к кофемашине. Засыпала зерен, дождалась, пока прожорливая Жура перемелет их, а потом выплюнет в чашечку благородный напиток. Катя, захлебнувшись от аромата, пригубила чуть-чуть. А вернувшись к себе в кабинет, включила компьютер. Пока тот загружался, попробовала сосредоточиться на маленькой, словно мензурка, чашечке и каждом обжигающем глотке кофе.

«Интересно, сколько чашек придется выпить за сегодня?» – хмыкнула она про себя и, завидев, как в кабинет влывает Ленка, подруга и по совместительству жена Бурова, осведомился лениво:

– Алена, у тебя спички есть?

– Зажигалка, – передернула плечом заядлая курильщица и поинтересовалась обалдело: – А тебе зачем?

– В глаза вставить, – пробурчала Катерина и пожаловалась скорбным тоном: – Ночью почти не спала.

– Так запишись в кабинете на часок, – предложила Ленка, – Буров укатил на какую-то секретную встречу.

– Шутишь, что ли? – фыркнула Катя. – Отчетный период. Мне еще декларации проверять и утверждать... Мужу твоему управленческую отчетность готовить.

Она не успела договорить, как в кабинет вбежала главный бухгалтер и затараторила:

– Екатерина Альбертовна, пришло уведомление о проверке финмониторинга!

– Абзац, – ругнулась Катя и строго поинтересовалась: – По какому поводу, Галина Федоровна?

– А мы в банк документы по валютному контролю не предоставили, – устало бросила та. – Вернее, на сам товар все передали, а вот на сопровождение и доставку нет.

– Как это возможно? – воззрилась на нее Катя и, подумав с минуту, решила: – Неси в отдел закупок, пусть начальник разбирается. Это не вопрос финансовой службы.

И когда дверь за Галкой закрылась, добавила, скривив недовольную рожицу:

– А ты говоришь: поспи. Тут вешаться нужно! Чует мое сердце, еще тот денек предстоит!

– Нормальный рабочий процесс, – отмахнулась Ленка.

– У финмониторинга безумные штрафы, – предупредила Катя. – Как бы нам не влететь. Это тебе не налоговая. Ты бы дала ускорение Литвинову, – попросила она.

– Легко, – фыркнула Алена и бодрой рысью направилась в отдел закупок.

Катя хотела пойти следом, но тут ей позвонила Алиса и стала проситься домой. И пока Катерина уговаривала дочку погостить у отца еще пару дней, дорогое время оказалось упущено. А когда со своей шпионской встречи вернулся Буров, скандал польхал на всю дирекцию.

– Твою мать, – выругалась Катерина. – Домой бы сегодня уйти вовремя. – А потом, вспомнив, что вечером Сарычев должен привезти Алису, сама позвонила дочери.

– Лисеныш, я приеду за тобой завтра, – попросила она. – Тут сумасшедший дом...

– Ты вечно работой отмазываешься, – пробурчала Алиса и снова заныла: – Я хочу жить с тобой и с папой. Я хочу, чтобы ты меньше работала...

– Алиса, – простонала Катерина. – Ты прекрасно знаешь, что мы с папой любим тебя. А работа нас кормит. Завтра возьму выходной и заберу тебя утром, идет?

– Договорились, – радостно согласилась дочка. – А что мы делать будем?

– Решим, – твердо пообещала Катя и, быстро накатав заявление на один день отпуска по семейным обстоятельствам, побежала к Бурову подписывать. Сергей Петрович как-то странно

на нее посмотрел, но роспись свою размашистую поставил и даже собственноручно накарябал: «Не возражаю».

Она вернулась к себе воодушевленная, уже мечтая, как завтра с дочкой сходят в «Баскин-Роббинс» и в кино, а после, может, пройдутся по магазинам. Но тут в кабинет вломилась расстроенная Ленка и, перегнувшись через стол, заваленный бумагами, зашептала возбужденно:

– Мне кажется, у Бурова кто-то есть!

– Глупости, – отмахнулась Катя. – Он любит тебя до безумия. Как мальчик, вокруг скачет. Даже и не скажешь, что ему пятьдесят два.

– Знаю, – бросила Ленка и обиженно сложила губки бантиком. – Я ему позвонила. А он мне: я очень занят. А я хотела, чтобы он с завода отчеты по себестоимости забрал. Позвонила в заводоуправление, а девчонки все в один голос сообщили, что Буров сегодня не приезжал. И несет от него кофе и табаком. Видать, где-то в кофейне сидел.

– А где кофейни, там и бабы, – хмыкнула Катерина.

– Ну да! – гневно вскричала Ленка и взмахнула руками. Маленькая фарфоровая чашечка размером с мензурку перевернулась и остатками влажной кофейной гущи обрызгала документы, лежавшие на столе. Несколько капель попало на Катину платку.

– Вот спасибо, – пробурчала она и понеслась застирывать лиф. Следом в туалет влетела Ленка, захлопнула дверь.

– Что мне теперь делать? – пробубнила на ухо.

– А мне? – отмахнулась Катерина. – До конца дня придется в грязном ходить.

– Высохнет, и никто ничего не заметит, – фыркнула Ленка. – Ты мне скажи, что теперь с Буровым делать?

– Не пойман – не вор, Аленка, – пробормотала Катя. – Да и тут нет стандартного рецепта.

– А ты что делала?

– Когда Феликс ушел к Нине, ревела белугой. Когда выгнала Реваза, открыла бутылку шампанского и сама на радостях выдула.

– А мне как быть? – снова заныла Ленка.

– Пока молчи, но смотри внимательно, – прошипела Катя и добавила устало: – Пойдем поработаем хоть чуть-чуть.

Но в кабинете уже надрывался сотовый. И Катя с мстительной радостью насчитала двадцать пропущенных Митькиных вызовов.

– Так тебе и надо, синька лохматая, – фыркнула она, но на последовавший тут же звонок ответила.

– Что, Плотвичкин, соскучился? – бросила глухо.

– Катенька, – пролепетал Митька. – Я тут, около офиса. Выйди на минуточку.

«Чтоб ты скис», – мысленно ругнулась Катерина, а вслух пробормотала:

– Да, сейчас.

Митя Плотвичкин в белой рубашке, но с опухшим носом встречал ее прямо у крыльца.

– Катюша, – виновато просипел он, протягивая букет чайных роз, особенно любимых Наумовой.

– Ты бы в травму съездил, Витя, – поморщилась она. – Не дай бог перелом.

– Кать, не сердись на меня, – не обратил внимания на ее слова Плотвичкин. – Вот цветочки тебе и конфетки.

Она ошалело приняла букет и большую коробку любимых рафаэлок, посмотрела на одноклассника с укоризной и, сославшись на срочные дела, вернулась в офис.

– Цветы поставь в воду, – велела она Ларисе, секретарше Бурова. – Мне в кабинет не заноси. И конфеты заberi. Я на диете.

– Спасибо, Катерина Альбертовна, – радостно воскликнула секретарша и добавила льстиво: – Вы и без диеты у нас красавица.

– Знаю, – отмахнулась Катя и попросила душевно: – Ни с кем не соединяй, Лара. Меня сегодня ни для кого нет.

Она захлопнула за собой дверь и засела за расчеты. Даже в показательной порке Литвинова не пожелала принимать участия.

А когда в половине девятого притащилась домой, то около своего подъезда обнаружила Виталию. В белой рубашке и невероятно дорогих серых брюках, он стоял, облокотившись на капот черной Тойоты Прадо.

– Ты ограбил банк? – весело усмехнулась она.

А он улыбнулся хитро и напомнил с укоризной:

– Ты обещала выпить со мной кофе.

– Заработалась, – развела она руками и добавила заговорщицки: – А знаешь, я и от бокальчика красного не откажусь.

– Тогда поехали, – довольно хмыкнул он.

Глава 3

Несмотря на поздний час, ресторан на другом берегу реки сверкал огнями. Гремела музыка, между столиками и шатрами сновали официанты. А около пристани встал на вечный прикол трехмачтовый парусник. Катя вспомнила, как вместе с Ревазом каталась по реке на этой посудине. От воды дул прохладный ветерок, стол ломился от деликатесов, а скрипач и флейтистка выводили бравурный мотивчик.

«Красиво ухаживал черт, – мысленно улыбнулась Катя. – Хоть есть что вспомнить и внукам рассказать».

Виталья припарковал автомобиль на единственно свободном месте, откуда за минуту до их приезда служащий убрал оранжевый конус.

– Где хочешь расположиться? – предупредительно поинтересовался кавалер и добавил поспешно: – Можно в шатре или в кают-компании.

«Плавали, знаем», – мысленно хмыкнула Катерина и наивно пробормотала:

– Сейчас, наверное, аншлаг. Придется довольствоваться первым попавшимся столиком. Ну да мы ненадолго.

– К сожалению, да, – пробасил метрдотель. – Очень много гостей. – Он внимательно посмотрел на Виталю, словно что-то давая понять. Катя заметила этот взгляд и легкую гримасу своего кавалера.

– Вот шатер только освободился, – кивнул метрдотель на небольшой столик, расположенный под синим расшитым куполом и окруженный такими же мягкими диванами. – Пойдет? Правда, недалеко от входа, – добавил с напускным сожалением.

– Отличный вариант, – согласился Виталья. – Нас устраивает.

– Что будете пить? – осведомился подбежавший официант. – У нас чудесная карта вин, – хвастливо заметил он.

– Ты хотела бокальчик красного, – напомнил кавалер и распорядился: – Что там из французского у вас завалилось?

– Я бы посоветовал, – начал официант и вернул какое-то мудреное название. И когда гости согласились, опрометью бросился за бутылкой.

– Красивое место, – оглянулся по сторонам Виталья. – Ты бывала здесь раньше?

– Пару раз, – улыбнулась Катя, не желая что-либо сообщать о себе. Она вгляделась в лицо мимолетного кавалера. Красив и подтянут. Суровый взгляд плохо вязался с морщинками под глазами, а впалые щеки и высокие скулы говорили о непростом характере собеседника.

«Наверное, возит какого-то олигарха, а в свободное время подрабатывает извозом, – подумалось ей, но Катерина одернула себя: – Не любишь снобов, вот и не уподобляйся!»

Виталья, глядя на реку, принялся рассказывать о рыбалке, и слово за слово пришлось вернуться к вчерашней истории.

– Мужики тебя долго искали, – хмыкнул он.

– Придурки, – поморщилась Катя и хотела еще что-то добавить, как с бутылкой вина и сырной тарелкой примчался официант. Налил по полбокала и, отойдя, замер в сторонке.

Катя пригубила вино из большого пузатого бокала и глянула на темную воду, пестреющую бликами. Перевела взгляд на огромное блюдо с нарезанным кубиками сыром разных сортов, на рассыпанные сверху почти черные ягоды винограда. Заметила, как из дальних шатров засобирались подвыпившая публика.

– Скоро салют, каждый час бьют, – пояснил Виталья, – вот народ и сбегает.

– Правильно делает, – хмыкнула Катя и уперлась взглядом в знакомую фигуру. Чуть сгорбленные плечи, орлиный взор.

«Милого узнаю по походке», – раздраженно подумала Катерина и сразу полезла за соловым, намереваясь позвонить дочке. Но телефон в руке сам зашелся трелью.

– Алиса у моих родителей, – без предисловий начал бывший муж. – Допивай свое вино и выходи. Я тебя на стоянке жду.

– А что такое? – пробормотала Катерина, еле сдерживаясь, чтобы не нахамить Сарычеву.

– Парень с тобой, – пробурчал Феликс. – Марат Алтаев. Я его по давнему делу знаю. Не связывайся, пожалуйста. Очень плохой человек.

Кате захотелось заорать на бывшего мужа, что у него все люди плохие, только он один самый лучший. Но она сдержалась, понимая, что когда человек не истерит, а говорит строго и по делу, то, наверное, обеспокоен.

– Хорошо, – пролепетала она. Муж, наверное, прав и не стоит с ним спорить. А новый приятель даже не удосужился представиться собственным именем.

«Виталя, блин!» – рыкнула она про себя и потянулась к сыру с белой плесенью.

– Как это можно есть? – то ли поинтересовался, то ли просто заметил «Виталя». – Плесень, она и в Африке плесень.

– А я люблю, – хмыкнула Катерина, укладывая кубик с голубыми прожилками в рот.

– Говорят, с виноградом вкуснее, – хищно улыбнулся «Виталя» и, обмакнув виноградину в стоявшую посреди блюда пиалку с медом, отправил ягоду вслед за сыром.

Катя чуть не задохнулась от приторного вкуса во рту и наглости нового знакомого.

– А ты красивая, – прошептал он, огладив ее по руке. – Я с первого взгляда влюбился.

– Хорошее средство от любви с первого взгляда – посмотреть второй раз, – светски улыбнулась Катерина и, съев ломтик моцареллы, осведомилась: – Здесь варят вкусный кофе? – просто и незатейливо дала понять, что задерживаться не намерена.

– Очень, – пробормотал «Виталя» и провел ладонью по предплечью. – Говорят, тут работает какой-то уникальный бариста. Люди со всего города едут. Десерт закажем?

– Нет, – мотнула головой Катерина.

– Ну и правильно, – улыбнулся он. – Ты сама как десерт. Такая мягкая, податливая, – снова зашептал он. – Хочу поцеловать тебя, не возражаешь?

«Интересно, куда ты дойдешь со своими желаниями?» – фыркнула про себя Катя и тут же решила, что ничего ужасного в одном поцелуе нет. – К тебе, мой хороший, уже летит птица обломинго. А меня на парковке ждет Сарычев. Но в одном-то поцелуе особого греха нет. Хоть узнаю, как целуются красивые мужики», – фыркнула она про себя, а вслух осведомилась негромко:

– А ты хорошо целуешься?

– Еще никто не жаловался, – хохотнул «Виталя» и, нависнув над ней, накрыл ее губы своими.

От поднявшегося жара Катя чуть не потеряла способность внятно мыслить.

«Твою мать», – мысленно выдохнула она, совершенно твердо осознавая, что так сладко ее не целовали никогда.

Язык, вторгшийся к ней в рот, выводил замысловатые движения, покоряя нежно и уверенно. Она почувствовала дрожь во всем теле, поняла, что инстинктивно раздвигаются ноги.

«Еще минута-другая, – саму себя предупредила Катя, – и я сдамся, как Ла-Рошель мушкетерам».

Она, мягко высвободившись из сильных мужских рук, отодвинулась чуть в сторону. Залпом осушила оставшееся в бокале вино. Увидела легкое недоумение на лице кавалера и не заметила, как из ниоткуда материализовался официант и, наклонив бутылку опытным движением, снова наполнил бокалы. Но в последний момент рука его дрогнула. Бутылка качнулась в сторону. Забрызгала скатерть и платье Катерине.

«Твою ж мать», – досадливо поморщилась она и испытывающим взглядом воззрилась на мальчишку в белом сюртуке.

– Ой простите, – принялся извиняться тот. Он даже побледнел от испуга. – Я не хотел...

– Да ничего страшного, – отмахнулась Катерина. – Это платье несчастливое. Его сегодня утром уже облили кофе.

Виталья потребовал вызвать старшего по смене и оплатить ущерб.

– Это лишнее, – натянуто улыбнулась официанту Катя. – Лучше покажите, где я могу застирать подол. Если сразу не принять меры, останутся пятна.

– В главном корпусе направо, – пояснил тот. И Катя, взяв телефон, понеслась по аллейке.

– Хорошая девушка, – скромно заметил официант. – Даже ругаться не стала.

– Не умничай, – скривился Марат и неспешно направился вслед за Катей.

– Помощь не нужна? – заглянул он в незапертую дверь и остановился в проеме, любясь оголенными ногами и задранном подолом, который Катерина пыталась отстирать в холодной воде.

Захлопнув дверь, он шагнул к ней. Встал сзади и притянул к себе покрепче. Проложил тонкую дорожку из поцелуев сначала по шее, потом спустился к ключице. Катерина тяжело вздохнула, и он принял этот вздох за знак согласия.

– Девочка моя, – зашептал с жаром. – Тут на втором этаже гостиница. Давай пошпилимся!

И сразу же ощутил, как в печень врезается острый локоток.

– А шпилька не сломается, мальчик? – презрительно хмыкнула Катя и, оттолкнув его, быстро вышла.

Она опрометью пронеслась к знакомому шатру, схватила сумку, кинула туда телефон и, сохраняя собственное достоинство, гордо направилась к выходу. Дорогой она молилась только о том, чтобы дурачок Виталья не остановил ее. Но тот застрял в сортире, видимо не ожидая от новой знакомой такой прыти. Катя спокойно прошла через парковку и уселась в черный БМВ.

– Быстро управилась, – хмыкнул бывший муж и недовольно покосился на мокрый подол. – В реку свалилась?

– Думала переплыть, а потом вспомнила, что ты ждешь. Пришлось на берег выйти, – поддержала разговор Катя, через темное тонированное стекло наблюдая, как из ресторана выбегает «Виталья».

– Ты хоть справки наводи, прежде чем по кабакам шастать, – поморщился Феликс, отъезжая. – Алтаев крепко связан с криминалом. Еще та скотина.

– Я не знала, – пробормотала Катя и почувствовала, что задыхается. – Открой окно, пожалуйста, – прошептала она, поднося руку к горлу.

Феликс натужно вздохнул и, понимая, чем дело кончится, притормозил около тротуара. Щелкнул замком, отворяя дверцы машины. Катя, выскользнув из салона, добежала до небольшого белого заборчика, крашенного лет десять назад. Облокотилась на него в изнеможении, а потом ее вырвало.

Феликс раздраженно поморщился, неторопливо достав воду и пакет с влажными салфетками, выбрался из машины и побрел к жене. Она повернула голову в его сторону, затем требовательно выставила руку вперед. Сарычев протянул бутылку с водой, с тревогой наблюдая, как жена, прополоскав рот, делает пару глотков.

– Прости, – пробурчал он, когда Катерина отлипла от долбаного забора и подошла к нему. – Никогда не думал, что ты так станешь реагировать на меня.

– Уже давно все прошло, – поморщилась Катерина. – Сегодня что-то накатило. От усталости или недосыпа. А может, вина прокисшего выпила.

Он кивнул, слабо улыбнувшись. Сделал вид, что поверил. Но каждый из них знал, что это не так. Ложь во спасение. Ради Алиски и дальнейшего сносного сосуществования невдалеке друг от друга.

– Тебе холодно? – предупредительно осведомился он. – Давай дам пиджак?

Она зыркнула на него, и в ее взгляде он заметил неприкрытый ужас.

«Ее тошнит и рвет только от твоего запаха, а ты еще свой пиджак предлагаешь», – укорил сам себя Сарычев и поспешил объяснить:

– Я костюм этим вечером из химчистки забрал. Надень пиджак, если холодно.

Катя сумрачно глянула на бывшего мужа. Темно-серые брюки, белая рубашка.

– А не побрезгуешь, что провоняется? – устало усмехнулась она.

– Нет, – отрезал он и кинулся доставать с заднего сидения завернутый в целлофан костюм. Накинул пиджак жене на плечи. И только тут заметил, что невдалеке, выключив фары, стоит Крузак Алтаева.

– Садись в машину, – попросил он Катю и, дождавшись, пока она усядется на кожаное кресло, щелкнул сигнализацией. А потом направился напрямик по шоссе навстречу выскочившему из джипа Марату.

– Не смей даже рядом с моей женой отираться, – рявкнул решительно.

– Врать некрасиво, – хмыкнул Алтаев. – А борцам за правду особенно. Катя тебе не жена, товарищ Феликс. Можешь меня хоть испепелить взглядом, но, если она согласится, я встречусь с ней снова. А свое мнение засунь куда подальше. Понял?

– Ближе к ней не подходи, я сказал, – рявкнул Сарычев и уже повернул обратно к своей машине, как Алтаев поинтересовался тревожно: – Ее рвало? Почему?

– По кочану, – скривился Сарычев и резвым козликом поскакал к своей БМВ.

– Исчерпывающий ответ, – пробурчал себе под нос Марат и решил на время стать сопровождающим Катерины Наумовой.

Феликс уселся за руль и, чтобы не разбудить жену, аккуратно завел двигатель и, плавно притопив педаль газа, выехал на шоссе. Катерина спала или делала вид, что спит. «Подумаешь, – мысленно хмыкнул Сарычев и внезапно вспомнил, как на старом ниссане возил беременную жену. Плавно, осторожно, дабы не потревожить маленький комочек, превратившийся со временем в веселую и смешливую девчонку. – Алиса, – с нежностью подумалось ему. – Солнышко дорогое. Можно было б еще парочку таких же детишек настрогать, если бы... Только какой бес меня понес во все тяжкие?» – поморщился Феликс и, переехав через мост, свернул на объездную дорогу.

– Я живу в центре, – просипела со своего места Катерина, кутаясь в его пиджак.

– Помню, – усмехнулся он и добавил спокойно: – Я подумал, что Алиска обрадуется, если ты сегодня приедешь.

Катя кивнула, понимая, что бывший муж прав, а потом поинтересовалась настороженно:

– А твои родители?

– Будут просто счастливы, – заявил он без тени сарказма. – Они любят тебя.

– Я знаю, – выдохнула Катя.

Дом старших Сарычевых встретил Катерину запахом жареного мяса и прыгающей от радости дочерью.

– Мама, мама, – все повторяла Алиса, а потом расстроилась: – А мы с дедушкой «Время первых» вместе смотреть собирались...

– Ну вот, – огорчилась Катя, даже не зная, что предпринять.

– Оставайся у нас, – предложила свекровь. – Сейчас баньку натопим. Ты пока попаришься, а наши фильм посмотрят. Потом чайку попьем, и на боковую.

– Хорошо, – кивнула свекрови Катерина. – Я с Алисой лягу, а утром такси вызовем.

– Я отвезу, – предупредительно заметил Феликс и добавил поспешно: – Тоже фильм хочу посмотреть. Ни разу целиком не видел.

Устроившись в жарко натопленной парилке, Катя разомлела. Мысли сами потекли в безопасном направлении.

«Интересно, действительно ли Буров гуляет от Ленки? Или это ее галлюцинации? – лениво осведомилась она, глядя на потолок, вымощенный липовой доской. Но потолок хранил молчание. – Уж кто-кто, а Буров! – мысленно возмутилась Катерина и невзначай вспомнила, что у первой жены Ленка увела Сергея Петровича после многолетнего романа. Так что... Все возможно, – недовольно хмыкнула она и внезапно представила со стороны, будто в компьютерной игре, как парочки соединяются, а потом сходятся с другими партнерами. Этот процесс продолжается снова и снова. Вырастают дети, воспитанные на примере родителей, и повторяют их судьбу. – Какое-то броуновское движение», – подумалось ей. Катерина прикрыла глаза и сама не заметила, как задремала. Она не слышала, как осторожно отворилась дверь в предбанник, как кто-то аккуратно прошелся по комнате отдыха, а затем распахнул дверь в парилку.

– Катя, – прошептал Феликс, устраиваясь рядом. И чуть не свалился со скамьи от бодрого пинка проснувшейся жены.

– Ты что, – возмущенно прошипела она, – сдурел, Сарычев?

– Я подумал, Катюнь, – буркнул он, наваливаясь сверху, – клин нужно вышибать клином. Ну знаешь, как в прививке содержится малая доля вируса.

– Хорошее погоняло для прокурора, – хмыкнула Катя. – Вирус!

– Да погоди, – рассмеялся он и по-хозяйски провел рукой по груди, а потом передвинул ладонь ниже. Обвел требовательным движением пупок и сместил пальцы вниз, ощущая абсолютно гладкую поверхность.

– Чувствую себя педофилом, – усмехнулся он, проникая внутрь.

Катерина негодуяще завертелась в его руках, а потом вывернулась из объятий.

– Феликс, прости, – попробовала остановить его.

– Нет, милая, нет, – рыкнул он и добавил угрожающе, слегка стукнув по попе: – Перестань рыпаться, сука!

– Но я не хочу тебя, – пробормотала она, понимая, что не в силах сдержать его натиск.

– А мне плевать, – присипел он. – Ты моя, и никому больше не позволено до тебя дотрагиваться.

– Феликс, – попыталась образумить мужа Катерина. – Пожалуйста...

Но он уже подмял ее под себя и, невзирая на ее протесты, вторгся внутрь. Зарычал победно:

– Катя, сопротивление бесполезно!

Как будто она этого не понимала. Пришлось расслабиться и даже пару раз подмахнуть. Лег пять назад она бы с радостью отдала почку, лишь бы Сарычев только взглянул на нее, а потом появился Реваз. Хотя ему бы больше подошло имя Реванш. Богатый, щедрый и красивый жених вымел из Каткиной дурной головы все мысли о Феликсе, заставил по-новому посмотреть на себя, возвеличил до королевы, а потом тоже бросил, словно одноразовую посуду. Дождавшись, когда бывший муж перестанет терзать ее тело, Катерина молча прошла в ванную и встала под душ.

– Ну как прививочка? – хохотнул Феликс, заходя следом.

– Стало только хуже. Теперь я понимаю, почему люди отказываются от вакцинации, – отрезала Катя и пригрозил бывшему: – Не подходи.

– Дура, – выругался Сарычев и со всей силы грохнул дверью.

– Ты еще рогами постучи, – хмыкнула себе под нос Катерина.

Глава 4

Закрывшись в душевой, Катерина в изнеможении опустила на пол и разревелась.

– Открой, слышишь! – из-за двери потребовал Феликс. – Иначе дверь вышибу.

– Твоему папе не понравится! – крикнула Катя. – Ему потом чинить.

– Катя, – предупредил муж. – Давай поговорим по-хорошему. Приставать не буду, обещаю!

– Ладно, – поколебавшись с минуту, она распахнула дверь, окинула бывшего супруга уничижительным взглядом. – Выйди, я оденусь, и поговорим.

– Хорошо-хорошо, – миролюбиво заметил Феликс и, приподняв руки в знак поражения, бросил негромко: – Сдаюсь-сдаюсь.

Но стоило ей торопливо натянуть нижнее белье, как Сарычев тут же оказался рядом, игриво шлепнул по заднице, попытался облапить. Катя отскочила в сторону, не желая терпеть его прикосновения.

– Хватит выделываться, милая, – негромко обронил Феликс. – Давай попробуем еще раз. Алиса очень переживает.

– Когда ты вздумал стать мачо и трахать все подряд, она тоже переживала. Ты думаешь, меньше, чем сейчас?

– Уже пора забыть мой фортель. Так сказать, прошел срок исковой давности, – хохотнул он, веселясь от одному ему смешной шутки.

– По некоторым преступлениям исковой давности не существует, – напомнила Катя.

– Так это за убийство, – отмахнулся Феликс.

– А ты и есть убийца, – грозно заметила она. – Убийца любви!

– У-у-у, какие мы высокопарные, – хмыкнул бывший муж и шагнул к ней, намереваясь обнять.

– Ты же обещал, – раздраженно фыркнула Катерина и попыталась нанести обидчику удар ногой. Но Феликс, прекрасно зная ее приемы, резко схватил жену за голень. Рванул на себя. Катя упала бы, если бы сильные руки не удержали ее. Бывший муж поставил ее на ноги, но из тисков объятий не выпустил, потерялся восставшей плотью об упругие ягодицы, потом больно сжал грудь. А когда Катя попыталась вырваться, сильно заломил за спину руку и надавил на шею. Пальцы мужа впились в позвонки. Аж в глазах потемнело. Катя подождала с минуту, а потом попросила отпустить. Но Сарычев будто не слышал. Наоборот, прижал крепче к мраморной столешнице. Перед носом тут же оказались какие-то флакончики с шампунями и жидким мылом.

– Запомни, девочка, – прорычал на ухо Феликс, нависая над ней. И Катя почувствовала, как ее снова затошнило. – Я решил восстановить наш брак. Тебе придется подчиниться. Станем жить вместе и заделаем еще одного ребенка, – отрывисто бросил он. – Перестань корчить из себя идиотку. Большея этого не потерплю. Иначе пеняй на себя!

– Хорошо, – пробормотала она и добавила, глотая слезы: – Ради Алисы...

– Вот и умница, – муж отпустил ее и вподтверждение своих прав впился в губы злым поцелуем. Слюнявым и жадным. – Матери велю положить нас вместе, – заявил он и уже направился вон из бани, когда Катя остановила его.

– Тогда попроси постелить в дальней комнате, – прошептала она. – Я так понимаю, что этой ночью ты мне спать не дашь.

– Моя умненькая кошечка, – осклабился он и, вернувшись, провел ладонью по ее щеке. – Как пожелаешь, куколка.

– Чай пить не хочу, – трагическим тоном предупредила Катя, потирая шею. – Сразу лягу. Может, подремать удастся.

– Не надейся, – довольно хмыкнул он, выходя на свежий воздух.

Катерина устало глянула на себя в зеркало. Отметила мешки под глазами и, найдя на полке у свекрови какой-то приличный крем, спокойно нанесла на лицо. А потом, закрыв веки, принялась лихорадочно перебирать варианты, как раз и навсегда отвалить Сарычева. Минут через десять она вышла из баньки. Быстро прошмыгнула в близлежащий сарай, внимательно огляделась по сторонам и, взяв с собой черенок от лопаты, незаметно прошла в самую дальнюю спальню. Ждать милого.

Этим вечером Феликс Алексеевич Сарычев чувствовал себя победителем. Оказывается, уломать Катюку ничего не стоило. Больше разговоров было о ее крутости и стервозности. А как заломил руку и слегка надавил на шею, так девочка смирилась.

«Рыпнулась, конечно, пару раз, – мысленно хмыкнул он, усаживаясь рядом с отцом на кухонный диван. – Но я ей показал, что значит тягаться с настоящим мужиком. Теперь главное – от себя не отпускать. Жить пока останемся с родителями. Лето. Алисе полезно на свежем воздухе гулять, а не в планшет пялиться. Да и Катюку придется на коротком поводке держать, пока не понесет. Дальше все по накатанной. С работы уволю. Нечего с пузом в офис таскаться. А родится ребенок, сразу еще одним награву. И у меня имидж поменяется. Отец семейства, трое детей. Солидно, мать вашу. То, что требовалось, в сжатые сроки. Опять-таки затраты нулевые. Катюку по кабакам и театрам выгуливать не надо. Брюлики давно подарены», – мысленно хохотнул он.

Неспешно обсудил с отцом ситуацию в Европе и США и, дождавшись, когда от Катерины к себе в комнату бешеным лебедем пронесется Алиса, лениво направился к жене.

Он толкнул плечом дверь, намереваясь сразу же приступить к осуществлению первой части плана, но что-то заело. Попробовал еще раз. Безрезультатно.

– Катя, дверь захлопнулась, отопри, – тихо постучал он и опешил, услышав твердый негромкий голос:

– Сарычев, отвали. Стучать и выламывать дверь бесполезно. Тут, кстати, дрын от лопаты нашелся. Тебе его не переломить. Поднимешь шум, только перед родителями опозоришься.

– Ладно, – рыкнул Феликс, понимая, что Катерина права. – Я тебе еще припомню, курва, – возвестил он, надеясь, что она услышит.

– Милый, сегодняшней вечер не забудется никогда. Ты растоптал последнее уважение к себе.

Он улегся в зале, накрывшись пледом, но так и не сомкнул глаз, надеясь до завтрака попросить у жены прощения и начать все заново.

«Повышение, блин! А она ломается», – раздраженно подумал он. А утром так и не дождался, когда Катерина Альбертовна изволят встать.

Кате тоже не спалось, но она побоялась до утра выходить из комнаты. Мало ли что взбредет в голову бывшему. Лишь убедившись, что БМВ Феликса вырлил на улицу, спустилась на кухню позавтракать со свекрами.

– Как спалось, Катенька? – елейным голоском поинтересовалась свекровь. – На новом месте кто приснился?

– Все хорошо, Антонина Яковлевна, – так же благостно сообщила Катерина и обронила невзначай: – Я вроде раньше ночевала в этой комнате...

– Та комната старая, а диван новый, – хмыкнула Антонина. – Фелечка мой небось всю ночь снился?

– До утра заснуть не смогла, – не стала врать Катерина.

– А вот пустила бы мужа под теплый бок, то и сны бы привиделись чудесные.

– Ваш сын, – Катя резко оборвала свекровь, – уже давно мне не муж.

– А Феликс сказал, что вы обратно сходитесь, – вставил изумленный свекор. – Вроде к свадьбе готовитесь.

– Не знаю, на ком женится Сарычев, – хмыкнула Катя, – но я замуж не собираюсь. Ни за Феликса, ни за кого другого. Меня в этот адов гадюшник теперь фиг заманишь.

– Разрушили институт брака проклятые империалисты, – покачал головой свекор.

– Практически уничтожили, – едко заметила Катерина и, повернувшись к застывшей Алисе, велела: – Собирайся, Лисеньш, к Глебу сейчас поедем.

– Ладно, а оттуда в «Мираж», мне нужно платье, – вскинулась дочка и побежала одеваться. Катерина устало глянула на Сарычевых и осведомилась раздраженно:

– Я вот не понимаю, Алексей Иванович, империалисты тут при чем? Это они вашего сына шастать по бабам заставляли? Руки заламывали, из борделей не выпускали?

– Катя, – охнула свекровь.

Катерина допила кофе и встала из-за стола.

– Я не знаю, во что решил поиграть ваш мальчик, – горестно объявила она. – Но, если попросит денег на свадебные приготовления или на подарок, ничего не давайте. Это сплошное надувательство. И я искренне не понимаю, зачем он вас обманывает.

Поцеловав оторопевших родителей Феликса, Катя метнулась к себе в комнату и переоделась в злосчастное платье. Кофейные капли, пятна вина и запах рвоты. Обалдеть!

– Домой заедем переоденемся, – заявила она дочери, но увидев около своего подъезда Марата Алтаева, в просторечии именуемого Виталей, попросила водителя такси не останавливаться. Так и явилась к брату и невестке в заляпанном платье.

– Тут тебя кроме собак никто не видит, – прошептала Наталья, выдав шорты и майку. А злосчастное платье засунула в стиральную машинку.

– К вечеру будет как новенькое, – пообещала она. – Ты ведь не торопишься?

– Абсолютно, – кивнула Катя и, отключив телефон, чтобы не потревожить трехмесячного племянника, прошла к малышу. Да так и провела с ним целый день. Кормила из соски, баюкала и, уложив розовощекого младенца на диване, прилегла рядом. Постепенно испарилась злость на Сарычева, а вот ощущение использованности осталось.

«Захотел – ушел, а надумал вернуться, так просто, зажав в углу, и трахнул. Что тут церемониться? Но со мной этот номер не пройдет, Феликс», – мысленно пообещала она и, будто наяву, увидела крепкого приземистого мужика, когда-то содравшего с нее платье и втолкнувшего в пустую спальню. Катерина помнила до сих пор тот животный страх, но именно тогда решила никогда никого не бояться и стоять за себя до конца. Она усмехнулась, вспомнив, как загнанной птицей заметалась по комнате и даже собралась, свесив простыни, спуститься вниз. Но вовремя отказалась от этой идеи. Она шарилась по всем полкам и шкафам, сама не понимая, что ищет. Пока под кроватью не нашла шпильку со стразами. Аккуратно засунула ее в замок и попробовала открыть. Не с первого раза, но получилось. Босиком и в одних трусах, она спустилась по боковой лестнице и выскочила во двор. Бросилась к калитке и вместо улицы оказалась на конюшне. И тогда поняла, что пропала. Она постаралась спрятаться за баками, стоявшими вдоль забора, но ее почти сразу обнаружил конюх, высокий худой парнишка с бледным шрамом на лице.

– Ты откуда сюда забрела? – хмыкнул он и уставился на голые сиськи.

Катя промычала что-то невразумительное.

– Это тебя к Корнею за долги привезли? – полюбопытствовал он, но взгляд с ее груди не перевел.

– Ты с ними разговариваешь или со мной? – вскинулась она, возмущенно глядя на конюха.

– Языкатыя, да? – почесал башку он и бросил невзначай: – Тебя Корней приберет, коль слово поперек скажешь. – Он осмотрел ее с головы до ног и, пробормотав что-то себе под нос, обронил нехотя: – Пойдем в стойло, дотемна пересидишь.

Кате тогда подумалось, что лучше первый раз заняться любовью с некрасивым мальчишкой, чем лишиться девственности под старым и вонючим Корнеем, но предпочла промолчать. А конюх даже ни о чем таком не попросил. В маленькой подсобке стащил с себя линялую старую майку и протянул ей.

– Одень, – коротко велел он.

Кате хотелось поправить его. «Надень» – правильно. Но она прикусила язык, боясь обидеть случайного спасителя. Она скрутила волосы в дульку и заколола шпилькой, которую до сих пор судорожно сжимала в руках. Даже аляповатый цветок из стразиков слегка отпечатался на ладони. Парнишка, с интересом наблюдавший за ней, самолично напялил на голову кепку. Сразу отвел в самый дальний угол, где в стойле переминалась с ноги на ногу черная кобыла.

– Знакомьтесь, Верона, – представил он лошадь и добавил с ухмылкой: – Она тоже с норовом, как и ты! Сиди здесь тихо. Ближе к ней не подходи, зашибет. Как все разъедутся, я тебя выведу.

Катерина вспомнила, как забилась в угол и принялась ждать. И именно тогда решила коротко подстричься и научиться драться.

Катя прогнала прочь надоедливые воспоминания и уткнулась носом в макушечку малышу. Племянник пах молочком и казался таким сладким. А маленькая улыбка беззубого рта разом прогнала прочь все беды и печали. Сердце оттаяло, а душа согрелась.

Ребенок сучил ножками и радостно гулил, а она гладила его по животику и пела песни. Первое, что пришло в голову. «Спят усталые игрушки» сменялась «Ленинградом», а песня о Крокодиле Гене плавно перешла в «Шоу мастгоу он» Квинов. Малыш хватался ручонками за пальцы тетюшки и весело смеялся.

– Хочу себе такого же, – прошептала она, глядя племянника по грудке, – конечно, не от Феликса и уж точно не от Плотвичкина. Лучше из донорской спермы. Только мой ребеночек, – но стоило подумать о неведомом доноре, как тут же перед глазами предстало лицо Марата Алтаева.

«Может, Феликс наврал? – с надеждой вздохнула она, но отбросила эту мысль. – Но в том, что касается работы, Сарычев всегда предельно честен. И прекрасно понимает, что его слово стоит денег. Больших денег».

Катерина тяжело вздохнула и, поцеловав ребенка, принялась рассуждать:

«А какая разница, наврал Феликс или сказал правду? Это ничего не меняет. В любом случае замуж мне за «Виталю» не выходить, детей с ним не крестить. От любого из людей Корнеева нужно держаться подальше. Даже если Алтаев занимал в ОПГ самую ничтожную должность. В память о папе я обязана выкинуть этого человека из головы. На свете полно мужчин без криминального прошлого».

Катя чмокнула малыша в одну пяточку, потом в другую и очень удивилась, когда в комнату заглянула Алиса.

– Собаки такие смешные, – захихикала дочка и добавила серьезно: – Мама, я хочу братика или сестричку. Помиришь с папой!

– Я уже объясняла тебе, малыш, – терпеливо заметила Катерина. – Мы с твоим отцом больше не любим друг друга, поэтому решили жить отдельно. Но мы оба твои папа и мама, и наша любовь к тебе осталась неизменной.

Алиса недовольно поморщилась.

– Отговорки! – прошипела она. – Ты обещала провести со мной весь день! А вместо этого валяешься с Кирюшкой...

– Он такой сладкий, – улыбаясь пробормотала Катя. – Разве тебе не нравится?

– Нет, – фыркнула Алиса. – Но ты могла бы жить вместе с нами и нянчиться с собственными детьми, а не с чужими козлятами.

Катерина, изумленно глядя на дочь, села на кровати, разгладила волосы и, увидев в дверях пораженную невестку, резко подскочила и вывела Алису прочь из комнаты.

– Маленькому ребенку нужна тишина, – попыталась объяснить она.

– А я нуждаюсь в тебе, – пробурчала Алиса. – Папа говорит, что ты никого кроме себя не любишь. И мы тебе не нужны. . .

«Вот спасибо, Сарычев, – мысленно усмехнулась Катерина. – Знаешь, с какого бока зайти, чтобы ударить побольнее. Стратег хренов!»

– Я плохо себя чувствую сегодня. Ночь не спала, – попыталась она образумить дочку. – Какая разница, где нам с тобой проводить время? Разве в торговом центре интереснее, чем у Глеба? Ты же любишь возиться с щенками.

– Я хотела пройтись по магазинам. Думала, ты купишь мне новое платье! А вместо этого сижу как лохушка на собачьей ферме!

– Алиса, – цыкнула на дочку Катя. – Успокойся, пожалуйста.

Но девчонка, расплакавшись, выскочила вон из комнаты. Хлопнула дверь. Подойдя к окну, Катерина увидела, как девочка, достав из кармана джинсов сотовый, суетливо бьет пальцем по клавишам. Алиса отошла в сторону, наклонила голову. И матери из окна не удалось разглядеть выражение ее лица. Но по поникшим плечикам Катя поняла, что, скорее всего, Алиса плачет. Ей захотелось выскочить во двор, прижать к себе единственное дитя, пообещать луну с неба. Она даже шагнула в коридор, но вовремя остановила себя.

Тон и манера поведения дочки оставляли желать лучшего. А уж ретрансляция хотелок бывшего мужа и вовсе повергла Катю в шок.

Воспользовавшись тем, что дочка вышла из дома, она позвонила Феликсу, намереваясь высказаться не стесняясь в выражениях. Но телефон оказался занят. Да и Алиса, вдруг повернувшись, скользнула опасливым взглядом по окнам.

«Отцу звонит, на мать-кукушку жалуются», – про себя отметила Катя и даже удивилась, как же быстро Сарычев обработал дочку. Она лишь успела положить телефон на полку и поймать участливый взгляд невестки, как в дом резвой лошадкой вбежала Алиса и, гордо вскинув голову, заявила с порога:

– Теперь я буду жить с папой! Если хочешь, живи с нами!

– Хорошо, поезжай, – стараясь не закричать, кивнула Катя.

– Ты вот просто так меня отпускаешь? – удивилась дочка. – Даже не остановишь?

– Ну ты же не в тундру к медведям едешь, – спокойно заметила мать. – Нас с тобой никто не разлучает. Я уважаю твое решение.

– Да? – настороженно кивнула Алиса, и Катя увидела у нее в глазах слезы.

– Ты же решила, – попыталась улыбнуться Катерина. – И с папой вы все обговорили. Захочешь вернуться обратно, я буду рада.

Алиса всхлипнув сжала губы. Если бы сейчас мама ее бросилась умолять остаться, она бы спокойно уехала жить к отцу. Но глаза матери в одночасье сделались больными. Она будто застыла на месте. И ни словом, ни движением не воспротивилась.

– Папа сейчас приедет, – шепотом предупредила Алиса. – Если хочешь, поедем с нами.

– Нет, – мотнула головой Катерина.

– Почему? Ты не любишь меня?

– Наоборот, я очень сильно тебя люблю. И мне сейчас очень больно. Но у тебя всегда есть возможность вернуться обратно. Запомни это.

Кате хотелось кричать. Орать в голос, что не стоит поддаваться на трюки манипулятора. И если сейчас она согласится, то путь назад окажется отрезанным. Сарычев, преследующий свои глупые цели, ломает жизнь и жене, и дочери.

«Только бы сдержаться, – самой себе велела она. – Не выйти к Феликсу с зареванными глазами. Не дать ему повода порадоваться».

Она долго стояла у калитки, провожая взглядом Сарычевский БМВ, проклиная себя за дурацкий характер и вспоминая довольное лицо Феликса. Ей хотелось схватить сотовый и позвонить ему. Попросить вернуться с полдороги. Забрать ее с собой.

– Может, так и следовало поступить, – вздохнула она и, усевшись на пороге, разревелась.

– Он настроил Алису против тебя, – прошептала Наташа. – Даже если ты сейчас согласишься и вернешься к нему, он исподволь будет строить козни.

– Я знаю, – пробормотала Катя. – Феликс прекрасно манипулирует взрослыми. Где уж тут устоять ребенку?

– Что ты намерена делать? – требовательно осведомилась невестка.

– Дам время, – поморщилась Катерина. – Долго эта песня все равно не продлится. Сарычев не сможет постоянно играть в игру «лучший папочка вселенной». Да и жадный он. Это сейчас он нашу детку чем-то подкупил или наобещал с три короба. Но Алиска не дуручка, просто нужно дать ей время разобраться и ни в коем случае не давить.

– Плюс еще и ревность, – тяжело вздохнула Наташа. – Она заревновала тебя к Кирюшке.

– Дети, – горестно вздохнула Катерина. – Вот так рожай их, расти, а они потом претензии выдвигают, да еще жизни учат.

– Точно, – хмыкнула Наталья и предложила лукаво: – Тебе вискаря от нэрвов налить?

– Нет, – мотнула головой Катя. – Я в таком раздрае отопью много. А завтра на работу. Еще попрут за пьянство, – рассмеялась она.

– А по работе Сарычев тебе подянку устроить не может? – внимательно глянула на Катерину невестка.

– Теоретически да, – передернула плечом Катя. – Но пока я за ним такого не наблюдала, – попыталась отмахнуться она и замерла на месте. – Слушай, никогда бы не подумала... Но может, информационная война, развернутая против «Антареса», его рук дело? Хотя навряд ли, – хмыкнула она и предложила: – Коли я осталась у тебя, говори, чем помочь.

Домой поздно вечером ее привез брат.

– Провожу до квартиры? – пробурчал он.

– Нет, у нас безопасно, – отмахнулась она. А выйдя из лифта на своем этаже, вздрогнула от неожиданности, заметив на ступеньках огромную тень.

– Не бойся, – прохрипел мужик, приближаясь.

Глава 5

– Ёптить, – пробормотала Катя, чувствуя, как подкашиваются ноги. Она чуть не рухнула на пол, но вовремя ухватила за стену. Еще раз глянула на подошедшего мужчину и поинтересовалась недовольно:

– Что-то забыл, Виталя?

– Да, – рыкнул Марат, протягивая ей букет из разноцветных роз и ромашек. – Нам нужно поговорить.

– Срочно? Прямо сейчас? – фыркнула Катя, принимая цветы. – Ты на часы смотрел?

– Ты задаешь много вопросов, дорогая, – улыбнулся он и, осторожно вынимая из ее рук ключи. Отопнул дверь.

Катерина вошла в прихожую и удивленно глянула на незваного гостя.

– Ну что стоишь? Заходи! – вздохнула притворно.

Алтаев сделал шаг и тут же оказался рядом. Кинул ключи на комод, прислонился к закрытой двери.

– Мы вчера расстались не по-людски, – отрывисто бросил он, боясь ее насмешек.

– Я думала, что мы просто приятно провели вечер и завершили знакомство, – прошептала она. – Мы ведь даже толком не знаем друг друга.

– Это поправимо, – усмехнулся он и представился важно: – Марат Алтаев.

– Катерина Наумова, – фыркнула она и, заглянув в гостевой сортир, опустила цветы в стоящее у входа ведро с водой.

– Ты мыть пол собиралась, – обронил он шутя.

– Специально для цветов держу, – пробормотала она, замерев всего в шаге от него.

– Много дарят? – рыкнул он.

– Постоянно, – хихикнула она.

– Хахали?

– Естественно, – улыбнулась она, и они оба рассмеялись, будто самой веселой шутке. Марат притянул Катерину к себе и очень нежно убрал с глаз косую челку. А Катька сама запровила ее за ухо. Он провел ладонью по щеке, потом переместил ее на затылок и, как анаконда, совершил молниеносный бросок. Вот только стоял у двери спокойно и буравил Катьку шалым взглядом, как уже его язык вторгся ей в рот и попытался достать до гланд.

Катерине хотелось сообщить «гусару», что гланды ей вырезали еще в пятом классе и искать их бесполезно.

«А какого хрена? – пронеслась в голове шальная мысль. – Клин нужно вышибать клином. И Марат – прекрасная замена Феликсу и всяким Плотвичкиным. Хотя бы на одну ночь». Она обвила руками крепкую мужскую шею и слегка застонала, требуя продолжения. Алтаев остановился лишь на секунду. Внимательно посмотрел в голубые глазищи и только смог просипеть:

– Ты как?

Она кивнула и, наскоро заперев дверь, повернулась к нему.

– Спальня там, – отвечая на его немой вопрос, махнула она в сторону коридорчика, призывающего к прихожей.

Алтаев почувствовал, что сейчас взревет от нетерпения. Он подхватил Катерину на руки и кинулся в указанном направлении. Рванул на себя первую попавшуюся дверь.

– Тут туалет, – рассмеялась Катя, пряча лицо у него на груди, и добавила чуть слышно: – Моя спальня дальше по коридору.

От натиска Марата, сменяющегося секундной растерянностью, Катерине хотелось расхохотаться в голос. Суровое лицо изменилось лишь на миг, но Катерине хватило времени, чтобы увидеть промелькнувшую мальчишечью наивность.

«Ценное качество, – подумала она, – иногда из взрослого степенного человека превращаться в ребенка. Когда глаза загораются огоньком лукавства и озорства и к чертям собачьим слетают маски».

Она наблюдала подобные метаморфозы у своих родителей. До Корнеевского наезда, конечно. Множество раз видела, как в минуты блаженной радости довольный малыш проглядывает в лице брутального старшего брата. Замечала эту манеру за собой, но ни разу не наблюдала детскости у Сарычева. Будто он родился маленьким старичком в галстук и с портфелем в руках.

Катя не помнила, как Марат донес ее до спальни, как, усадив на край кровати, принялся раздевать, а потом остановился, удивленно разглядывая вчерашнее платье.

– Это из-за вина оно так полиняло? – всмотрелся он изумленно в блеклые пятна, размытые по подолу и лифу. – Тогда с меня новое!

– Нет, – отмахнулась Катерина. – Моя невестка – мастер стирки! Она постирала мое платьишко с носками брата. Видишь, какой рисунок веселый получился?

– Обхохочешься, – рыкнул Марат, расстегивая сзади длинную змейку и укладывая Катю поперек кровати.

– Что ты затеял? – лениво поинтересовалась она.

– Тебе понравится, – пробурчал он и, став на колени, принялся целовать ей ноги. Пальчики, щиколотки, голень. Его губы пробирались все выше. Прошлись вокруг коленки, побегали по внутренней стороне бедра.

– Марат, я не хочу, – попыталась отстраниться Катерина.

– Слово дамы-закон, – прошептал он, поднимаясь одним рывком и тенью нависая над ней. Губы снова заскользили по шее, затем своим вниманием осчастливили ключицу и двинулись вниз к груди. Опытным движением Марат надкусил розовый сосок. Сначала один. Потом второй.

– Ты такая сладкая, умочка моя, – пробормотал он ей на ухо. – В следующий раз попробую там.

Катерине хотелось сказать, что следующего раза может и не быть. А за этот Алтаеву впору благодарить Феликса. Иначе бы не обломилось! Воспаленный мозг тут же принялся составлять телеграмму:

«Спасибо за восхитительный секс. Алтаев»

Она собиралась поделиться шуткой с Маратом, но его губы уже блуждали по животу, а пальцы...

Катерина застонала, понимая, что долго не выдержит.

– Твою мать, Катя, – выругался Алтаев, входя. – Ты давно готова.

Она выгнулась дугой навстречу ему.

– Хватит болтать, – пробормотала негромко и провалилась в нирвану, будто кто-то переключил тумблер «обычная жизнь – вечный кайф».

Они долго приходили в себя, принимали душ и, как нормальные люди, укладывались спать на разобранную постель. Уже засыпая, Катерина улеглась почти полностью на Алтаева, положив голову ему на грудь.

Марат не торопясь провел ладонь, нежно сминая мягкие волосы. Умудрился дотянуться и чмокнуть в ушко. И тут же услышал размеренное дыхание. Он закрыл глаза, пытаясь уснуть, но совесть, назойливая дама, принялась причитать и давать никчемные советы.

«Как ты мог? – сурово осведомился внутренний голос, прибежавший на подмогу совести. – Эта женщина не для тебя. Тебе мало проблем? Так еще нажать врага в лице Сарычева захотелось? А последствия, ты о них подумал? И что скажет Вовка Корнеев, когда узнает?»

Марат дернулся и мысленно схватился за голову.

«Японский городской, – беззвучно взвыл он. – В погоне за шикарной бабой я совсем забыл о предохранении!»

Алтаев попытался разбудить Катерину, но она что-то пробормотала негодуя, назвала его Виталей и, повернувшись на другой бок, засопела довольно.

«Ты же пришел поговорить, хорек, – сам себе попенял Марат. – И вместо того, чтобы уладить проблемы, ты возвел их в квадрат. Или в куб? В проклятый многочлен! К этому все и шло, – тяжело вздохнул он, вспоминая, как вчера вечером потерял БМВ Сарычева из виду. – Она скоро приедет, – успокаивал сам себя, наматывая круги по кварталу и, как дурак, заглядывая в ставшие знакомыми окна. Но ни одна лампочка так и не зажглась. – Может, я ее проворонил? – огорчился он, как школьник, и вместе с какой-то компанией заскочил в подъезд. Взбежал по ступенькам на третий этаж. Позвонил в дверь. Но никто не открыл. Даже к глазку не подошел. – Вероятно, Сарычев прав и до сих пор общается с женой в горизонтальной плоскости», – горько подумалось ему тогда. И Алтаев почти бегом скатился по лестнице и, подходя к Крузаку, дал себе слово больше не вспоминать о Кате Наумовой.

Но как только часы пробили семь утра, в первый раз проехал мимо ее окон, завершив катания по кругу около десяти, когда стало понятно, что до вечера она не вернется. Алтаев прямо и решительно пресек чудесную идею позвонить Бурову и выпросить все про Катю. На работе ли она? Во что одета? Радостна или печальна?

Но с Сергеем его связывали отнюдь не братские отношения. Да и собственному брату Марат постеснялся бы задать такие вопросы. Следующей была мысль позвонить Катерине на сотовый, благо добрый Сергей Петрович поделился номерком мобильного, но предупредил, что Наумова – девушка вредная и в дни отпуска корпоративный телефон оставляет дома. Пришлось еще вечером проехать мимо пару раз.

«Должна же она когда-нибудь домой вернуться?» – сам у себя осведомился Алтаев и, подарив какой-то грустной девушке букет, купленный с утра, поспешил за новым. Красные пунцовые розы и ромашки теперь украшали Катькину ванную.

«Все вышло лучше, чем задумывалось, – блаженно потянулся он и одернул себя: – Какое там лучше, придурок? Ну наворотил ты дел! Как расхлебывать собираешься? Нашел на кого запасть? Ты же с ней дальше этой квартиры выйти не сможешь. А лучше встречаться где-нибудь в отелях или на съемных квартирах. Иначе, если узнает кто, несдобровать. Ни ей, ни мне!»

Он потянулся к спящей рядом женщине. Осторожно обнял, нежно целуя затылок и шею. Вдохнул ее запах: пьянящий микс чистого тела и какого-то цветочного аромата, и понял, что не желает с ней расставаться ни сейчас, ни потом.

«Да клубись оно все конем, – рыкнул мысленно, проваливаясь в сон. – Нужно с Катей поговорить начистоту, все выяснить и начать заново».

А утром проснулся от рева сотового, голосащего из брошенных на пол джинсов.

– Твою ж налево, – слабо ругнулась Катя, кинув подушку на голову. – У меня такая мелодия на будильнике. – Она, выпростав руку, нащупала собственный телефон и сонными полуслепыми глазами уставилась на экран. – Еще час можно спать, – пробурчала она, снова укладываясь под подушку. Алтаев, достав трубку из штанов, поморщился, увидев номер.

– Да, слушаю, – бросил он, выходя из спальни. – Что-то случилось?

– Марат, – заплакала бывшая любовница. – Буньку машина сбила. Насмерть. Я не знаю, что делать.

– Погоди, – встрепенулся Алтаев. – Ты сейчас где? Как это произошло?

– Мы в парке гуляли, а какой-то идиот на Газели ехал по аллейке. Бунька выскочил – и все. Понимаешь, все!

– Ты номер записала? – уточнил он. – Нужно найти мерзавца.

– А что его искать? – фыркнула Карина. – Вот он стоит и требует компенсировать ущерб. Убил Бунечку, так еще денег за это просит.

– А ну-ка дай ему трубку! – прорычал Алтаев и, когда услышал мужской голос, добавил грубо: – Стой, где стоишь, козел. Я сейчас приеду, все компенсирую.

Ему даже показалось, что мужик обрадовался.

«Я бы точно не стал, – пробурчал про себя Марат. – Разбудить, оторвать от любовницы и еще в живых остаться? Камикадзе, блин!»

Он вернулся в спальню, поспешно поцеловал Катю и, бросив расхожую фразу про важные дела, принялся одеваться. Она, накинув халат, сонно наблюдала за ним и на все его объяснения повторяла:

– Ну да, конечно.

Да еще головой трясла, как китайский болванчик.

– Мне многое надо тебе сказать, – пробормотал он уже в прихожей. – Это важно.

– Ну да, конечно, – кивнула Катерина и выпроводила его за порог.

Когда спонтанный любовник отбыл, она бесцельно прошла на кухню и даже умудрилась вымыть чашки из-под вчерашнего чая, забытые на столе. Потом поплелась в ванную и на автомате кинула в машинку два банных полотенца, ставших свидетелями яростного соития в душевой. А в спальне собрала с пола свои вещи и тоже положила их в стирку. Затем аккуратно расправила постель и, надев простую трикотажную пижаму в цветочек, улеглась в кровать.

«Будильник поставила на сорок минут позже, – сама себе проговорила она. – Сразу вызову такси, по дороге накращусь, позавтракаю на работе».

Она сомкнула веки, пытаясь подремать, но в голову бессовестно и неотвязно лез Алтаев. Снова изводил ее ласками и поцелуями.

– Это была одноразовая акция, – прошептала она себе под нос и крепко заснула, даже не услышав, как поворачивается в замке ключ.

В спальню вбежала Алиса и, плюхнувшись на кровать, радостно затормошила мать.

– Мама, давай вместе позавтракаем! – рассмеялась она, нимало не смущаясь, что кого-то разбудила.

Катя, приподняв с подушки голову, сонно чмокнула дочку в щеку и только потом заметила в дверях улыбающегося Сарычева.

– Мы соскучились, – пропел он. Но подходить близко не стал, опасаясь, как бы ее не стошнило. – Заехали за круассанами, свежей клубникой...

– Молодцы, – зевнула Катерина, – ставьте чайник. Я сейчас приду.

Алиса сразу понеслась на кухню, а Сарычев, улыбаясь пропустив дочь, заглянул в спальню.

– Какая-то ты сегодня томная? – подозрительно осведомился он и поморщившись бросил: – Небось всю ночь трахалась?

– Ага, – честно призналась она.

– И где же ты его прячешь? – насторожился Феликс. Кате даже показалось, что у бывшего мужа нос вытянулся и глаза загорелись, как у ищейки.

– В шкафу посмотри, – легкомысленно махнула рукой Катерина в сторону огромного шкафа-купе.

Феликс послушно отодвинул одну дверцу, потом другую. Бегло прошелся по полкам взглядом.

– Справа, на третьей полке, – скомандовала Катерина. И Сарычев, как последний дурак, двумя пальцами вытянул небольшую коробку.

– Что это? – поинтересовался обалдело, даже не поняв, что держит в руках.

– Твой тезка, – заговорщицки прошептала Катя. – Вибратор Феликс. Можешь пожать ему руку. Ну или что найдешь!

– Идиотка, – прошипел бывший муж, пряча коробку и закрывая шкаф. – А если Алиса наткнется случайно? Я категорически против, чтобы моя дочь жила с тобой.

– Я тоже против, милый, – гадко улыбнулась Катя. – Человек, шарахающийся с проститутками, не имеет морального права воспитывать дочку. Тут меня любой суд поддержит.

– Ладно тебе, – отмахнулся Сарычев, прекрасно понимая, что его бывшей хватит ума нанять детектива, а потом потрясти грязным бельем в суде. И тогда прощай, репутация и карьера. – Я пошутил, Катюша, – пробормотал он. – Повезло Алиске с матерью. Давай, милая, еще попробуем, а? – он подался вперед, собираясь ее обнять. – Вон какая девочка получилась всем на радость. И мальчика заделаем – просто загляденье.

– Отвали, Феликс, – поморщившись попросила она. – Ты бы хоть одеколон сменил. А то опять этот запах тошнотворный.

– Я из-за тебя уже пятый парфюм меняю, – процедил он. – Нужно тебя гипнозом лечить!

– А тебя дихлофосом, – не удержалась она и добавила грустно: – Я разлюбила тебя, Феликс. Развелась с тобой. Какого рожна тебе от меня нужно?

– Дай мне, пожалуйста, шанс, – попросил он и, взяв ее ладони в свои, поцеловал.

«Тебе бы пяткой в нос дать», – мысленно вздохнула Катерина, но заметив, что в коридоре замерла Алиса, жалостливо глянула на бывшего мужа и неохотно проямлила:

– Хорошо.

Глава 6

Выйдя на кухню, Катерина умилилась накрытому с детской непосредственностью столу. Золотистые круассаны соседствовали с малосольными огурчиками и обвалянными в болгарском перце и зелени баклажанами. А оранжевые ломтики семги – с творожным сыром и джемом. Рядом на блюде лежали крупная клубника и виноград, наверняка привезенные с другого конца мира. Для большей торжественности момента Алиса достала нарядные чашки из бабушкиного сервиза. Вскипятила чайник и разложила всем одноразовые пакетики с заваркой.

«Сплошная эклектика», – мысленно усмехнулась Катерина, а вслух заметила:

– Я вижу, вы серьезно подготовились.

– Мы соскучились, мамочка, – как ни в чем не бывало улыбнулась дочь. – Вот по пути на рынок заехали.

Катя собралась похвалить за находчивость отца и дочь, но в этот момент из гостевого санузла выскочил как ужаленный Сарычев.

– Ты там медведя встретил? – фыркнула Катерина, совершенно забыв о подаренном Маратом букете. Розочки-ромашечки!

– Откуда цветы, Катя? – насупился бывший муж, и по промелькнувшему в глазах раздражению стало понятно, что настроение у Феликса разом испортилось. И фонтанирующий напускной энтузиазм сначала превратился в тонкий ручеек, а после и вовсе зачих.

Она молча смотрела на Сарычева, лихорадочно соображая: то ли сразу послать, то ли свести все к шутке. Но с кетчупом в руках замерла Алиса, поэтому Катя предпочла второй вариант.

– Около двери стояли, – отмахнулась она. – Думала, что ты подарил. Розы и ромашки – твой коронный букет.

– Там еще записка приложена с извинениями, – хмуро бросил бывший супруг. – Вот я и любопытствую, от кого, собственно, букетик.

– Записка? – удивилась Катя. – Потом посмотрю. Давайте завтракать.

Сарычев сел за стол рядом с ней и прошипел чуть слышно:

– Не вздумай мне рога наставить...

– Я тебе пока посторонний человек. Не жена, не любовница.

– А мне вчера в баньке иначе показалось, – злорадно усмехнулся он.

– Вот не стоило вспоминать про баньку, – мотнула головой Катерина и в изумлении заметила, как из туалета выходит дочь с запиской в руках.

– Мама, тут написано, что какой-то Виталья просит у тебя прощения и очень сожалеет, что не застал...

– А я очень сожалею, что не научила тебя элементарной вежливости, – отрезала Катя и повернулась к мужу. – Давайте, соскучившиеся мои, собирайтесь на выход. И продукты свои не забудьте.

– Мама! – вскинулась Алиса. – А что тут такого? Мы же одна семья!

– Хорошо, милая, – отстраненно заметила Катерина. – Я сейчас у тебя в столе что-нибудь поищу или в телефоне.

– Это личное. Телефон и стол мои! – негодуя вскинулась дочка. – А букет в туалете в ведре стоял!

– Ошибаешься, – вкрадчиво бросила Катя. – Стол и телефон куплены мною, а ты ими пользуешься. Значит, могу все достать и почитать. Вот только я никогда не опускаюсь до этого. Угадай почему?

– И почему же? – вздернула подбородок Алиса. – Тебе наплевать на меня!

– Отлично, Сарычев, просто отлично, – тяжело вздохнула Катя. – Ты прекрасно поработал.

– При чем тут я? – набычился муж. – Сама расставила где попало веники от любовников, а я виноват.

– То есть ты считаешь, что все в порядке? – серьезно поинтересовалась Катерина и тут же поморщилась, как от острой боли.

– Было все нормально, пока ты не начала выделываться, – хмуро заметил Сарычев.

– Если я всегда во всем виновата, – отмахнулась Катерина и полезла в ящик за судочками. – То отчего же ты на другой не женишься?

– Тебя люблю, – рыкнул Сарычев и уставился на жену, аккуратно складывающую продукты в разные контейнеры. – Что ты делаешь? – изумился он, понимая, что все его планы летят к чертям собачьим.

– Сворачиваю вашу скатерть-самобранку, – устало бросила Катерина и в сердцах добавила: – Дома свои разносолы покушаете.

– Кать, пожалуйста, – покаянно попросил Феликс, но вставать из-за стола не стал. – Ну извини нас. Я просто взбесился, цветы увидев. Да и Алисе это неприятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.